

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

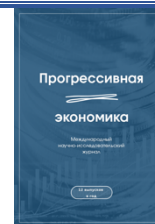
№ 5 / 2026 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/sravnitelnyj-analiz-metodov-upravleniya-prostranstvennym-raspredeleniem-ekonomicheskikh-resursov-v-rossii-i-zarubezhom/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 338.242

DOI: 10.54861/27131211_2025_5_208

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

*Мурашов Р.Ю., аспирант, Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия
664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2902-6858>
e-mail: murashov-ruslan@mail.ru*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ институциональных механизмов управления пространственным распределением экономических ресурсов в России и Канаде. Цель исследования – выявление парадигмальных различий и оценка результативности современных моделей территориального развития. Научная новизна заключается в системном сопоставлении российской модели пространственного распределения экономических ресурсов путем формирования «особых экономических зон» с последующей концентрацией экономического развития в перспективных точках и канадской сетевой модели дифференцированного экономического развития под управлением региональных агентств развития. Применены методы сравнительного и институционального анализа, структурно-функционального подхода, анализ стратегических документов и официальной статистики, синтез теоретических концепций региональной науки и экономической географии. Применен историко-генетический метод для выявления эволюции подходов к пространственному развитию в постсоветской России и Канаде, а также системный анализ для рассмотрения взаимосвязей между федеральным центром, региональными институтами и локальными акторами. Установлено, что централизованная российская модель ориентирована на геополитические приоритеты в политике пространственного развития. Канадская модель направлена на интеграцию в глобалистские проекты и обеспечена децентрализованным управлением. Практическая значимость работы состоит в обосновании рекомендаций по адаптации канадского опыта формализованного мониторинга и программ развития локальных систем. Перспективы исследований связаны с эмпирической оценкой эффективности институциональных преобразований в системе пространственного распределения экономических ресурсов.

Ключевые слова: пространственное развитие, Канада, регионалистика, управление, планирование.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мурашов Р.Ю. Сравнительный анализ методов управления пространственным распределением экономических ресурсов в России и за рубежом // Прогрессивная экономика. 2026. № 5. С. 208–226.
https://doi.org/10.54861/27131211_2026_5_208.

Статья поступила в редакцию: 05.04.2026 г. Одобрена после рецензирования: 14.05.2026 г. Принята к публикации: 16.05.2026 г.

COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODS FOR MANAGING THE SPATIAL DISTRIBUTION OF ECONOMIC RESOURCES IN RUSSIA AND ABROAD

Murashov R. Y., Postgraduate Student, Baikal State University, Irkutsk, Russia
664025, Irkutsk, st. Lenina, 11
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2902-6858>
e-mail: murashov-ruslan@mail.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of institutional mechanisms for managing the spatial distribution of economic resources in Russia and Canada. The purpose of the study is to identify paradigmatic differences and evaluate the effectiveness of modern models of territorial development. The scientific novelty lies in the systematic comparison of the Russian model of spatial distribution of economic resources through the formation of "special economic zones" with the subsequent concentration of economic development in promising areas and the Canadian network model of differentiated economic development under the control of regional development agencies. The methods of comparative and institutional analysis, structural and functional approach, analysis of strategic documents and official statistics, synthesis of theoretical concepts of regional science and economic geography are applied. The historical and genetic method was used to identify the evolution of approaches to spatial development in post-Soviet Russia and Canada, as well as a systematic analysis to consider the interrelationships between the federal center, regional institutions and local actors. It is established that the centralized Russian model is focused on geopolitical priorities in spatial development policy. The Canadian model is aimed at integration into globalist projects and is provided with decentralized management. The practical significance of the work consists in substantiating recommendations for adapting the Canadian experience of formalized monitoring and programs for the development of local systems. The research prospects are related to the empirical assessment of the effectiveness of institutional transformations in the system of spatial distribution of economic resources.

Keywords: spatial development, Canada, regionalism, management, planning.

JEL classification: O38, D2, L11.

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Murashov R.Y. (2026). Srovnitel'nyy analiz metodov upravleniya prostranstvennym raspredeleniem ekonomicheskikh resursov v Rossii i za rubezhom [Comparative analysis of methods for managing the spatial distribution of economic resources in Russia and abroad]. *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 5, 208–226. https://doi.org/10.54861/27131211_2026_5_208. (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 05/04/2026. Approved after review: 14/05/2026. Accepted for publication: 16/05/2026.

Введение

Пространственное управление распределением экономических ресурсов играет ключевую роль в социально-экономическом развитии регионов, обеспечивая сбалансированное и устойчивое использование ресурсов. В условиях глобализации и усиления конкуренции между регионами, эффективное управление ресурсами становится критически важным для снижения межрегиональных диспропорций, улучшения инфраструктуры и повышения качества жизни населения. В статье исследуется влияние пространственного управления на развитие регионов, анализируются успешные практики и выявляются проблемы, требующие решения для достижения устойчивого роста и развития.

Сравнительный анализ методов управления пространственным распределением экономических ресурсов в России и за рубежом представляет значительный научный и практический интерес. Несмотря на значительный прогресс в этой области, остаются нерешенными вопросы эффективности и адаптивности методов управления в различных экономических и географических условиях. Эффективное управление пространственным распределением экономических ресурсов является ключевым фактором устойчивого развития регионов. В условиях глобализации и усиления конкуренции между регионами, изучение и сравнение опыта России и зарубежных стран может способствовать разработке более эффективных стратегий и методов управления, что в свою очередь приведет к улучшению экономической ситуации и повышению качества жизни населения.

Обзор литературы

Изучение сущности экономического пространства невозможно без обращения к философским категориям пространства и времени, которые на протяжении веков остаются предметом научных дискуссий. Как отмечал И. Кант в своем труде «К критике чистого разума», пространство и время – это фундаментальные формы восприятия, без которых невозможно представить существование материального мира [1, с. 37]. Аристотель рассматривал пространство как порядок взаимного расположения тел, тогда как Демокрит и Эпикур видели в нем пустоту, в которой атомы образуют физические

структуры [2, с. 75]. Эти идеи нашли продолжение в работах Ньютона, который трактовал пространство как универсальную систему отсчета, и Лейбница, утверждавшего, что пространство и время неразрывно связаны с материей и ее движением. Однако даже в современной науке нет единого понимания этих категорий: одни исследователи, такие как И. Герловин, предлагают рассматривать пространство как сверхтекучую среду, другие, как Б. Полосухин, отрицают существование времени вне человеческого сознания [3; 4]. Эти философские споры подчеркивают сложность и многогранность понятия «экономическое пространство», которое не может быть сведено лишь к географическим рамкам или административным границам.

Формирование теорий экономического пространства в географическом и геополитическом контексте связано с работами немецких и западных ученых XIX–XX веков, которые стремились обосновать взаимосвязь между территорией, ресурсами и экономическим развитием. Фридрих Ратцель в своем труде «Политическая география» сформулировал идею государства как живого организма, стремящегося к расширению и контролю над «политически ценными» территориями – береговыми линиями, речными бассейнами и ресурсоносными районами [5]. Его последователь, шведский ученый Рудольф Челлен, развил эту мысль, предложив «органическую теорию», согласно которой государства проходят циклы рождения, развития и упадка, борясь за пространственное господство. Фридрих Науманн, в свою очередь, выдвинул концепцию «Средней Европы», предполагавшую интеграцию германских и придунайских государств для противостояния глобальным державам – Англии, США и России.

Особое место в этом ряду занимает теория «Хартленда» Хэлфорда Макиндера, который утверждал, что контроль над центральными континентальными территориями (сердцевиной Евразии) обеспечивает геополитическое преимущество [6]. Эти концепции, несмотря на свою идеологическую окраску, заложили основу для понимания экономического пространства как динамичной системы, где географические, политические и экономические факторы переплетаются, формируя условия для развития или стагнации регионов. Однако к 30-м годам XX века эти теории стали терять свою научную объективность, уступая место националистическим и политизированным интерпретациям, что привело к их кризису в экономической науке.

Вторая половина XX века ознаменовалась переосмыслением теории экономического пространства благодаря работам западных экономистов, которые внесли в нее количественные методы и междисциплинарные подходы. Американский ученый Уолтер Айзард, считающийся основателем современной региональной науки, обобщил классические теории размещения и предложил методы анализа промышленных комплексов и межрегиональных связей. Его труды, такие как «Methods of Regional Analysis», заложили основу

для изучения экономического пространства как системы взаимодействующих агентов, а не просто географической территории [7].

Французский экономист Франсуа Перру ввел концепцию «полюсов роста», согласно которой неравенство в распределении ресурсов и капитала приводит к формированию доминирующих экономических центров, деформирующих пространство вокруг себя. Его ученик, Жак Будвиль, развил эту идею, выделив три типа экономических пространств: гомогенное, поляризованное и плановое. Позднее Пол Кругман в работах «Development, Geography, and Economic Theory» и «The Self-Organizing Economy» сформулировал теорию «совокупной причинной обусловленности», объясняющую, почему фирмы стремятся концентрироваться в определенных регионах, создавая эффекты агломерации [8]. Его модели показали, что экономическое пространство не является статичным – оно динамично трансформируется под влиянием технологических изменений, миграции капитала и сетевых взаимодействий.

Современные исследования, такие как работы Майкла Портера о «промышленных кластерах» или анализ Роберта Капелло о влиянии телекоммуникаций на пространственную организацию экономики, подчеркивают роль инноваций и цифровых технологий в формировании новых типов экономических пространств [9]. Таким образом, западная экономическая мысль перешла от статических географических моделей к динамичным системам, где пространство рассматривается как результат взаимодействия экономических, социальных и технологических факторов. Этот переход отражает эволюцию от классических теорий размещения к современным концепциям сетевой экономики и глобальной интеграции.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют комплексный сравнительный и институциональный анализ, дополненные структурно-функциональным подходом к оценке территориальных управленческих моделей. В работе применен историко-генетический метод для выявления эволюции подходов к пространственному развитию в постсоветской России и Канаде, а также системный анализ для рассмотрения взаимосвязей между федеральным центром, региональными институтами и локальными акторами. Теоретический фундамент исследования опирается на синтез концепций современной региональной науки, теории полюсов роста Ф. Перру, моделей экономической географии П. Кругмана и кластерных теорий М. Портера, что позволяет интерпретировать пространственное распределение ресурсов не как статичную географическую данность, а как динамичную систему, формируемую под воздействием институциональных, технологических и геополитических факторов.

Эмпирическую базу исследования сформировали официальные статистические данные Statistics Canada и российских ведомств, нормативно-

правовые акты и стратегические документы обоих государств, включая Стратегию пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, а также программные материалы и отчетность региональных агентств экономического развития Канады (RDAs). В ходе работы проводился документальный и контент-анализ бюджетных циклов, мониторинговых отчетов и законодательных актов, что позволило верифицировать заявленные цели управления фактическими результатами распределения финансовых, инфраструктурных и человеческих ресурсов. Применение указанных методов и источников обеспечило объективность сопоставления централизованной директивной модели России и децентрализованной сетевой модели Канады, а также выявило институциональные ограничения и потенциал адаптации зарубежных практик в условиях российской региональной политики.

Результаты и обсуждение

Управление пространственным распределением экономических ресурсов – важная задача любого государства, особенно для страны с такой обширной территорией и разнообразием природных и социально-экономических условий, как Россия. В советский и постсоветский периоды методы и подходы к решению этой задачи претерпели кардинальные изменения, отражающие трансформацию экономической системы, политических приоритетов и технологических возможностей. Анализ российского опыта в этой области позволяет не только понять эволюцию управления ресурсами, но и выявить эффективные практики и проблемы, актуальные для современного этапа развития страны.

В советский период управление пространственным распределением экономических ресурсов строилось на принципах централизованного планирования и директивного распределения. Основным инструментом являлись государственные пятилетние планы, разрабатываемые Госпланом СССР, которые определяли приоритеты развития отраслей и регионов. Экономика СССР представляла собой плановую систему, где ресурсы распределялись не рыночными механизмами, а административными решениями, что позволяло концентрировать усилия на стратегически важных направлениях, таких как индустриализация отсталых регионов и развитие моногородов.

Территориально-производственные комплексы (ТПК) играли важную роль в пространственной организации хозяйства. Они объединяли предприятия различных отраслей в единые комплексы, обеспечивая рациональное использование ресурсов и специализацию регионов. Примеры ТПК включают развитие промышленных узлов в Сибири и на Дальнем Востоке, где создавались мощные промышленные инфраструктуры, ранее отсутствовавшие в этих регионах [10, с. 4].

Политические и идеологические факторы определяли приоритеты распределения ресурсов. Например, акцент делался на развитие регионов с богатыми природными ресурсами и стратегическое размещение производств для обеспечения национальной безопасности. Это приводило к созданию закрытых территорий и моногородов, специализированных на конкретных отраслях промышленности.

Достижения советской системы включают создание мощной промышленной инфраструктуры в ранее отсталых регионах, развитие транспортной сети и энергетики. Однако существовали и проблемы: диспропорции в развитии регионов, неэффективное использование ресурсов, дефицит потребительских товаров и чрезмерная централизация управления, что ограничивало гибкость и адаптацию к меняющимся условиям.

После распада СССР Россия перешла от плановой к рыночной экономике, что потребовало принципиального изменения методов управления пространственным распределением ресурсов. Либерализация цен, приватизация и децентрализация управления стали ключевыми элементами экономических реформ 1990-х годов. Передача власти и ресурсов от центрального правительства к региональным и местным органам управления была направлена на повышение эффективности и адаптацию к рыночным условиям.

Формирование рыночной экономики сопровождалось созданием новых механизмов регулирования, таких как федеральные целевые программы, территории опережающего развития (ТОР), особые экономические зоны (ОЭЗ) и национальные проекты. Эти инструменты направлены на стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций и развитие инфраструктуры в приоритетных регионах.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и до 2030 года с прогнозом до 2036 года определяет ключевые приоритеты и задачи, направленные на обеспечение устойчивого и сбалансированного развития, сокращение межрегиональных диспропорций и повышение качества жизни населения [11]. В рамках этих стратегий развиваются опорные населенные пункты, формирующие инфраструктурный и экономический каркас страны, улучшается транспортная и социальная инфраструктура, расширяются межрегиональные экономические связи.

Современные вызовы включают диспропорции в развитии регионов, старение инфраструктуры, отток населения из моногородов и депрессивных территорий. Для их преодоления государство использует стратегическое планирование, цифровизацию и инновационные подходы, включая применение ГИС-технологий и больших данных для анализа и распределения ресурсов.

Российский опыт управления пространственным распределением экономических ресурсов в советский и постсоветский периоды демонстрирует

глубокие изменения в подходах и методах, отражающие переход от централизованной плановой экономики к рыночной системе с децентрализацией управления. В советский период основным инструментом было централизованное планирование, обеспечивавшее концентрацию ресурсов на стратегически важных направлениях, но ограничивавшее гибкость и эффективность. В постсоветской России сформировались новые механизмы регулирования, направленные на стимулирование экономического роста, развитие инфраструктуры и повышение качества жизни через стратегическое планирование и рыночные стимулы.

Современные вызовы требуют дальнейшего совершенствования методов управления, учитывающих глобализацию, технологические изменения и необходимость устойчивого развития. Государственная политика и законодательные акты играют ключевую роль в определении приоритетов и обеспечении реализации стратегий пространственного развития. Анализ российского опыта позволяет выделить как успешные практики, так и проблемы, требующие решения для обеспечения сбалансированного и устойчивого экономического развития страны.

Переход от анализа российского опыта управления пространственным распределением экономических ресурсов к изучению зарубежных практик логично начать с рассмотрения канадской модели, что обусловлено не только географическим сходством двух стран, но и схожими вызовами в области пространственного развития. Канада, как и Россия, обладает обширной территорией с неравномерным распределением природных ресурсов, суровыми климатическими условиями и с некоторыми диспропорциями в уровне социально-экономического развития регионов. Согласно данным аналитического бюллетеня «Rural and Small Town Canada», существенный разрыв между высокими и низкими экономическими показателями по территориальному принципу наблюдается в измерении рабочей силы, удаленности сельскохозяйственного производства и при рассмотрении демографических характеристик [12, с. 4].

Это делает канадский опыт особенно ценным для сравнительного анализа, так как обе страны сталкиваются с необходимостью преодоления пространственных барьеров, оптимизации транспортной и производственной инфраструктуры, а также обеспечения устойчивого развития отдаленных и слабоосвоенных территорий. Кроме того, Канада известна своими инновационными подходами к региональной политике, включая создание специальных программ поддержки северных территорий, среди которых: «Основы северной стратегии», «Концепция использования фонда северной стратегии» и «Северный взгляд» [13, с. 98]. Изучение канадской практики позволяет выявить как универсальные принципы управления пространственным развитием, так и уникальные решения, адаптированные к специфике крупных по территории стран с низкой плотностью населения. Это

открывает перспективы для критического осмысления и возможного заимствования успешных стратегий в российских условиях.

Таблица 1

Основные экономические показатели регионов Канады

Table 1

Key economic indicators of Canada's regions

Провинция / территория	ВРП (млрд. дол. США)	Доля ВВП	Население (чел.)	Доля населения	Территория (км ²)	Доля территории
Ньюфаундленд и Лабрадор	35,73	1,51%	525972	1,35%	405212	4,06%
Остров Принца Эдуарда	7,761	0,33%	170688	0,44%	5660	0,06%
Новая Шотландия	46,618	1,97%	1019725	2,62%	55284	0,55%
Нью-Брансуик	37,29	1,58%	812061	2,09%	72908	0,73%
Квебек	468,856	19,82%	8695659	22,34%	1542056	15,44%
Онтарио	903,203	38,18%	15109416	38,81%	1076395	10,78%
Манитоба	73,459	3,11%	1409223	3,62%	647797	6,49%
Саскачеван	82,682	3,50%	1194803	3,07%	651036	6,52%
Альберта	366,736	15,50%	4543111	11,67%	661848	6,63%
Британская Колумбия	330,874	13,99%	5319324	13,66%	944735	9,46%
Юкон	3,496	0,15%	43789	0,11%	482443	4,83%
Северо-Западные территории	4,577	0,19%	45605	0,12%	1346106	13,48%
Нунавут	4,323	0,18%	40526	0,10%	2093190	20,96%

Источник: составлено автором по данным [14]

Source: compiled by the author based on [14]

Территориально-экономическая структура Канады характеризуется резкой диспропорцией между распределением населения, экономической активностью и географической площадью регионов. Согласно данным из таблицы, более 60 % населения и около 60 % ВВП страны сосредоточены в двух провинциях – Онтарио (38,18 % ВВП, 38,81 % населения) и Квебеке (19,82 % ВВП, 15,44 % населения). Эти регионы являются экономическими локомотивами страны, где сосредоточены крупнейшие города (Торонто, Монреаль), промышленные и финансовые центры, а также основные транспортные узлы. В то же время четыре атлантических провинции (Ньюфаундленд и Лабрадор, Остров Принца Эдуарда, Новая Шотландия, Новый Брансуик) вместе производят лишь 5,39 % ВВП при 6,49 % населения, что свидетельствует об их периферийном экономическом статусе.

Северные территории (Юкон, Северо-Западные территории, Нунавут), занимающие 39,28 % площади Канады, имеют минимальное экономическое значение – их совокупный ВВП составляет всего 0,52 % при 0,33 % населения. Это обусловлено суровыми климатическими условиями, низкой плотностью

заселения и слаборазвитой инфраструктурой. Однако они играют стратегическую роль благодаря богатым природным ресурсам (нефть, газ, минералы, алмазы), добыча которых субсидируется федеральным правительством.

Западные провинции (Альберта, Британская Колумбия, Саскачеван, Манитоба) характеризуются более сбалансированным развитием:

Альберта (15,5 % ВВП, 11,67 % населения) – лидер в нефтегазовом секторе, обеспечивающий значительную часть экспортных доходов страны. Британская Колумбия (13,99 % ВВП, 13,66 % населения) – ключевой транспортный и логистический хаб, а также центр лесной и горнодобывающей промышленности. Манитоба и Саскачеван (3,11 % и 3,5 % ВВП соответственно) специализируются на сельском хозяйстве и добыче полезных ископаемых, но уступают Онтарио и Квебеку по экономическому весу.

Таким образом, Канада представляет собой биполярную экономическую систему, где доминируют два мегарегиона (Онтарио-Квебек), а остальные провинции и территории зависят от федеральных трансфертов и специализируются на сырьевом экспорте или туристическом секторе.

Канада является федерацией, состоящей из 10 провинций и 3 федеральных территорий, каждое из которых обладает разной степенью автономии. Провинции имеют конституционно закрепленные полномочия, включая контроль над природными ресурсами, здравоохранением, образованием и налогообложением. Их статус закреплен Конституционным актом 1867 года, и любые изменения требуют согласия федерального правительства и большинства провинций. Федеральные территории (Юкон, Северо-Западные территории, Нунавут) управляются непосредственно Оттавой, хотя имеют ограниченное самоуправление. Их статус может быть изменен простым федеральным законом, что делает их более зависимыми от центра. Например, Нунавут, созданный в 1999 году был выделен для обеспечения самоуправления коренного населения (инуитов), но финансово зависит от федерального бюджета [15, с. 23].

Немаловажным фактором в территориально-экономической структуре Канады является географическая близость с США. Штаты оказывают доминирующее влияние на пространственное развитие Канады через экономические связи, формирующие региональную поляризацию: 75 % канадского экспорта, включая энергоносители и промышленную продукцию, направляется в США, а 94 % прямых иностранных инвестиций поступают из американских источников, концентрируясь преимущественно в южных провинциях (Онтарио, Квебек, Британская Колумбия) [16]. Соглашение USMCA 2020 года укрепляет интеграцию в ключевых секторах, таких как автомобилестроение и энергетика, одновременно усиливая зависимость канадской экономики от инфраструктурных и политических решений США, как показали протекционистские меры 2018-2020 гг. [17]. Несмотря на

попытки диверсификации через соглашения СЕТА и СРТРР, географическая и экономическая близость с США продолжает определять миграционные потоки квалифицированных кадров и обуславливает асимметрию в управлении стратегическими отраслями, что тормозит сбалансированное территориальное развитие Канады.

Канадская регионалистика с экономической точки зрения представляет собой модель управления пространственным развитием, сформированную под влиянием географических, исторических и политических факторов. Страна, обладая второй по величине территорией в мире, сталкивается с вызовами, связанными с неравномерным распределением экономических ресурсов, значительными климатическими контрастами и диспропорциями в уровне развития между урбанизированными южными регионами и слабоосвоенными северными территориями. Канадская региональная политика основывается на принципах федерализма, где провинции и территории обладают значительной автономией в управлении экономическим развитием.

Одним из ключевых инструментов является система трансфертов, направленных на выравнивание экономических условий между регионами, а также программы поддержки инфраструктурных проектов, таких как развитие транспортных коридоров и телекоммуникационных сетей [18]. Программы выравнивания доходов позволяют менее обеспеченным провинциальным правительствам предоставлять своим жителям государственные услуги, которые в разумной степени сопоставимы с услугами в других провинциях, при сопоставимом уровне налогообложения. Особое внимание уделяется Северу Канады, где реализуются специализированные программы, направленные на развитие ресурсодобывающих отраслей и стимулирование экономической активности в условиях экстремального климата.

Важным аспектом канадской регионалистики является то, что в управлении экономикой делается упор на инновационное развитие и формирование кластеров. Например, в провинциях Онтарио и Квебек активно развиваются высокотехнологичные отрасли, такие как информационные технологии и биотехнологии, что стимулирует экономический рост и создает новые рабочие места. Канадское правительство также уделяет значительное внимание развитию человеческого капитала через образование и профессиональную подготовку. Кроме того, в Канаде активно используются механизмы государственно-частного партнерства для реализации крупных инфраструктурных проектов, таких как строительство автомагистралей и развитие портовой инфраструктуры. Эти меры позволяют успешно справляться с проблемами, которые исходят из территориально-экономической структуры

В Канаде реализацией функций пространственного развития занимаются специализированные государственные структуры, важную роль среди которых занимают региональные агентства экономического развития

(Regional Development Agencies, RDAs). Эти агентства, такие как Atlantic Canada Opportunities Agency (ACOA), Western Economic Diversification Canada (WD), Canada Economic Development for Quebec Regions (CED) и Federal Economic Development Agency for Southern Ontario (FedDev Ontario), действуют под эгидой федерального правительства и отвечают за стимулирование экономического роста в своих регионах. Их задачи включают поддержку малого и среднего бизнеса, развитие инфраструктуры, привлечение инвестиций и внедрение инноваций [19]. Особое место занимает Канадское агентство по развитию Севера (Canadian Northern Economic Development Agency, CanNor), которое фокусируется на устойчивом развитии северных территорий, включая поддержку коренных народов, развитие ресурсодобывающих отраслей и улучшение транспортной доступности. Агентства регионального развития располагают пятилетним бюджетом, в размере около 1 млрд. долларов Канады, из которых около 60 % распределяется на развитие инноваций в бизнесе и порядка 35 % на развитие местных сообществ [20, с. 111]. Эти структуры тесно взаимодействуют с провинциальными и муниципальными властями, координируя усилия по преодолению региональных диспропорций и повышению конкурентоспособности территорий.

Разработка стратегических планов развития территорий в Канаде осуществляется на основе долгосрочного и комплексного подхода. Федеральное и провинциальные правительства совместно разрабатывают документы, такие как: Канадская стратегия развития Севера (Northern Strategy) и Планы экономического развития регионов (Regional Economic Growth Plans), которые определяют приоритеты на десятилетия вперед. Например, стратегия развития Севера включает мероприятия по диверсификации экономики, улучшению инфраструктуры, поддержке традиционных отраслей и развитию туристического потенциала. В 2019 году правительством Д. Трюдо была представлена рамочная программа Арктики и Севера (Arctic and Northern Policy Framework). Несмотря на заявленный глубокий поворот в арктической политике, как отмечает Лакенбауэр, документ не предлагает кардинальных изменений [21, с. 242]. Тем не менее стоит отметить, методика со-разработки программ с привлечением к участию коренных народов и территориальных правительств.

Одним из ключевых принципов канадской системы планирования является внедрение подхода «bottom-up» (снизу вверх), который предполагает активное вовлечение местных сообществ, бизнес-ассоциаций и коренных народов в процесс принятия решений. Этот принцип реализуется через механизмы общественных консультаций, участия в управлении и софинансирования проектов. Такой подход не только повышает эффективность реализуемых инициатив, но и способствует укреплению социального капитала и доверия к государственным институтам. В

провинциях, таких как Британская Колумбия и Квебек, принципы «bottom-up» закреплены в законодательстве, обязывающем власти учитывать мнение местного населения при разработке стратегий пространственного развития.

Таблица 2

Сравнение аспектов управления пространственным развитием

Table 2

Comparison of aspects of spatial development management

Признак сравнения	Российская модель управления пространственным распределением экономических ресурсов	Канадская модель управления пространственным распределением экономических ресурсов
Вертикаль политической инициативы	Централизованная: стратегия и управление сосредоточены на федеральном уровне, создаются специальные министерства для прямого управления отдельными территориями	Децентрализованная: базируется на концепции «местных политик» с многоуровневым взаимодействием, поддерживаются региональные агентства развития
Инструменты поддержки развития территорий	Учреждение особых экономических зон с особым правовым статусом, льготным налоговым и таможенным режимом	Координация и поддержка существующих региональные экосистемы по широкому пулу социально-экономических вопросов
Инфраструктурное обеспечение	Поддержка инвестиционных проектов на базе гринфилд с отсутствующим инфраструктурным обеспечением и браунфилд с устаревшей инфраструктурой	Приоритетные проекты по созданию новой инфраструктуры нацеленные на связность удаленных территорий
Стратегическая направленность	Использование инструментов пространственной политики для достижения стратегических целей национальной безопасности	Интеграция в глобальные тренды: переход к альтернативной энергетике, цифровая трансформация экономики
Гибкость системы планирования	Дальние горизонты планирования. ТОСЭР учреждаются на 70 лет, ОЭЗ на 49 лет. 5 лет для стратегии пространственного развития	Гибкое планирование. Пятилетние бюджеты RDAs с ежегодным обновлением, пятилетнее оценивание государственных мер
Кластерный подход	Закреплен в стратегических документах целеполагания с опорой на инновации и высокие технологии	Поддерживается и координируется единым институтом – Национальным исследовательским советом
Человеческий капитал	Привлечение квалифицированных кадров на создаваемые производства	Решение проблемы дефицита кадров через иммигрантские программы

Источник: составлено автором по данным [11; 15; 18; 19; 21]

Source: compiled by the author based on [11; 15; 18; 19; 21]

Принципиальное различие в системах территориального управления прослеживается в вертикальности организации управления. В России после нулевых сложилась жесткая централизованная система, в которой определяющим фактором становится позиция федерального центра. Регион если и имеет инициативу, то не располагает необходимыми ресурсами для ее реализации. В отличие от России в Канаде отсутствует единая

общегосударственная стратегия пространственного развития. Вместо этого выстроена более децентрализованная система, основанная на концепции «местных политик». Весьма показательным аспектом является определение институциональных механизмов регионального развития. В пространственном развитии России определяются стратегические направления, которые выражаются в учреждении специализированных министерств (Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики, ранее до упразднения в 2020 г. существовало Министерство по делам Северного Кавказа). В Канаде координация осуществляется через сеть региональных агентств развития, каждое из которых действует в рамках своего мандата. Совокупно эта сеть покрывает территорию всей страны. Тем не менее Федеральное правительство Канады имеет влияние на определение направлений политики и играет ключевую роль в обеспечении финансирования.

Директивная модель управления также отражается и в мерах поддержки территориального развития. В России федеральным центром утверждается территория, а также и направление для развития особой экономической зоны. Напротив, в Канаде делается ставка на сеть региональных агентств развития, деятельность которых заключается в координации и поддержке региональных экосистем. Поддержка осуществляется по широкому кругу вопросов, что не исключает возможности неэффективного расхода средств, особенно в современных условиях с инициативами в области позитивной дискриминации. В целом Канадские RDA работают как «точки входа» для бизнеса и НКО, предоставляя гранты, кредиты и консультационную поддержку под конкретные местные нужды.

Условия и контекст развития российской экономики предполагают развертывание инвестиционных проектов в основном на базе гринфилдов (отсутствие инфраструктурного обеспечения) и браунфилдов (минимальное и устаревшее инфраструктурное обеспечение). Предоставление инфраструктуры остается менее приоритетной задачей, а строительство крупных инфраструктурных проектов возможно только в условиях концентрации ресурсов на федеральном уровне. Канада же, напротив, делает инфраструктуру (особенно цифровую и транспортную) одним из ключевых приоритетов, причем не только для бизнеса, но и для общества в целом: проекты, направленные на связность удаленных территорий, считаются общедоступным благом.

Централизованная система пространственного развития в России определяет возможность использования институтов для достижения целей стратегического значения и национальной безопасности. К этому можно отнести обеспечение технологического суверенитета, снижения зависимости от рынков недружественных стран и смещения экономического центра тяжести на восток. В Канаде выстраивается стратегия вокруг

глобализационной идеи интеграции в глобальные тренды, что выражается в переходе к альтернативной «зеленой» энергетике, программах повсеместной цифровой трансформации экономики.

В Канаде реализован механизм скользящего пятилетнего бюджетного цикла, в рамках которого каждое ведомство обязано разрабатывать и ежегодно обновлять пятилетний план оценок. Эти планы предусматривают обязательный аудит грантовых программ, а также требуют от ведомств перераспределять бюджетные средства от наименее эффективных программ в пользу более приоритетных. В России же система ориентирована на стратегическую стабильность и дальние горизонты: ТОСЭР создаются сроком на 70 лет, а ОЭЗ на 49. Стратегии обычно определяют развитие на ближайшие 5 лет. Отраслевые и региональные стратегии могут иметь более дальний горизонт планирования, а действующая стратегия пространственного развития спланирована на 2 пятилетних срока.

Сходная тенденция прослеживается в смешивании подходов к кластерному развитию с инновационным развитием и переходом к высокотехнологичной экономике. В России ставят амбициозные цели, мало подкрепленные соответствующими программами и финансированием. Канада также делает ставку на инновационную составляющую кластеров, стремясь вовлечь все имеющиеся технологические наработки в деятельность правительства, академий и частного сектора для повышения общего инновационного потенциала. Однако ключевое институциональное различие заключается в том, что в Канаде координацию кластерной политики осуществляет единый федеральный институт – Национальный исследовательский совет, который обеспечивает формирование межрегиональных кластерных сетей и их поддержку на всех этапах от инвестиций до защиты интеллектуальной собственности.

В обеих странах человеческий капитал признается критическим ресурсом регионального развития, подходы к его формированию и удержанию принципиально не различаются. Канада делает ставку на активное привлечение иммигрантов и их интеграцию через целевые программы, например, Атлантическая иммиграционная программа – действующая дифференцировано на малозаселенных территориях, нуждающихся в трудовых ресурсах. В России преимущественно рассчитывается на создание новых рабочих мест в перспективных проектах, полагая, что занятость сама по себе притянет квалифицированные кадры, но при этом системные механизмы удержания специалистов в регионах развиты слабее. В силу объективных причин экономика регионов нередко сталкивается с оттоком кадров в более привлекательные для жизни центры.

Заключение

В системе государственного управления территориальным развитием разных стран всегда можно увидеть сходные тенденции. Например, это

касается разработки стратегий развития. Такие документы смело определяют амбициозные цели, но при этом зачастую не содержат четких планов реализации, сроков и обозначенных бюджетов. Недостаточная способность обеспечить переход от формулирования целей до их практической реализации является важной проблемой, решение которой требуется от государственной системы управления.

Существует представление, что основная сложность в управлении развитием территорий сводится к вопросам управления финансовыми потоками. Однако сравнительный анализ российской и канадской моделей показывает, что важное значение имеют не столько объемы финансирования, сколько институциональная архитектура, система разделения власти между центром и регионами, а также формы поддержки развития территорий. Различия в представленных моделях органически формируются из исторического опыта, геополитического положения и культурно-институциональных предпосылок каждой страны.

Из канадского опыта можно выделить как минимум две продуктивные меры, потенциально применимые в российской практике. Внедрение формализованного инструмента регулярного оценивания государственных мер, позволяющего на постоянной основе выявлять эффективные и неэффективные практики. Разработка целевых программ развития местных сообществ, ориентированных на реальные потребности жителей и бизнеса на местах. Адаптация подобного подхода в России могла бы смягчить усиленную централизацию, без кардинального изменения системы управления.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: «ТАЙМ-АУТ», 1993. 478 с.
2. Бияков О.А. Генезис теории экономического пространства // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 1 (38). С. 75–82.
3. Полосухин Б.М. Феномен вечного бытия. Некоторые итоги размышлений по поводу алгоритмической модели сознания. М.: Наука, 1993. 176 с.
4. Герловин И.Л. Исходная парадигма, основы и области практического использования единой теории фундаментального поля. Л.: Изд-во Ленингр. политехн. ин-та, 1988. 111 с.
5. Ratzel F. Politische Geographie. Osnabrück: Zeller, 1974. 626 p.
6. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23, No. 4. P. 421–437.
7. Isard W. Methods of regional analysis. Cambridge: MIT Press, 1960. 287 p.
8. Krugman P. Development, geography and economic theory. Cambridge: MIT Press, 1995. 117 p.

9. Porter M. The competitive advantage of nations. New York: Free Press, 1990. 855 p.
10. Киселева Н.Н., Орлянская А.А., Бавина К.В., Боровикова Н.В. Территориально-производственные комплексы как форма пространственной организации производства: эволюция и перспективы развития // Региональная экономика и управление. 2016. № 4 (48). С. 1–12.
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/?ysclid=m5y23glfaf329081926>.
12. Bollman R., Biggs B. Rural and Small Town Canada: An Overview. Analysis Bulletin. 2000. P. 1–61.
13. Харевский А.А. Арктическая политика Канады: трансформация подхода к управлению северными территориями // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2011. № 2 (6). С. 95–102.
14. Statistics Canada: Government of Canada. URL: <https://www.statcan.gc.ca/en/start>.
15. Алексеев В.В. Основные направления государственной политики Канады по освоению северных территорий на рубеже XX и XXI веков // Арктика XXI век. 2014. №1 (2). С. 21–32.
16. Canadian-U.S. Trade and Investment. Lawrence National Centre for Policy and Management. URL: <https://www.ivey.uwo.ca/media/5k4nnhpa/canada-us-trade-and-investment-infographic-1.pdf>.
17. United States-Mexico-Canada Agreement: United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement>.
18. Federal Transfers to Provinces and Territories: Department of Finance Canada. URL: <https://www.canada.ca/en/department-finance/programs/federal-transfers.html>.
19. Canada's Regional Development Agencies: Government of Canada. URL: <https://ised-isde.canada.ca/site/ised/en/canadas-regional-development-agencies>.
20. Шкуропат А. В. Возможности использования опыта Канады для совершенствования региональной политики // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 2. С. 107–118.
21. Lackenbauer P.W. «Profound Change of Direction?» Canada's Northern Strategy and the Co-Development of a «New» Arctic and Northern Policy Framework // The Arctic in World Politics. 2021. P. 241–273.

References

1. Kant, I. (1993). *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Saint Petersburg: "ТАИМ-AUT", 478. (In Russ.)
2. Biiakov, O.A. (2004). *Genezis teorii ekonomicheskogo prostranstva* [Genesis of the theory of economic space]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Kuzbass State Technical University], 1(38), 75–82. (In Russ., abstract in Eng.)
3. Polosukhin, B.M. (1993). *Fenomen vechnogo bytiia. Nekotorye itogi razmyshlenii po povodu algoritmicheskoi modeli soznaniia* [The Phenomenon of Eternal Being. Some Results of Reflections on the Algorithmic Model of Consciousness]. Moscow: Nauka, 176. (In Russ.)
4. Gerlovin, I.L. (1988). *Iskhodnaia paradigma, osnovy i oblasti prakticheskogo ispol'zovaniia edinoi teorii fundamental'nogo polia* [Initial Paradigm, Foundations and Areas of Practical Application of the Unified Theory of the Fundamental Field]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo politekhnicheskogo instituta, 111. (In Russ.)
5. Ratzel, F. (1974). *Politische Geographie*. Osnabrück: Zeller, 626. (In Ger.)
6. Mackinder, H.J. (1904). *The Geographical Pivot of History*. *The Geographical Journal*, 23(4), 421–437. (In Eng.)
7. Isard, W. (1960). *Methods of Regional Analysis*. Cambridge: MIT Press, 287. (In Eng.)
8. Krugman, P. (1995). *Development, Geography and Economic Theory*. Cambridge: MIT Press, 117. (In Eng.)
9. Porter, M. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press, 855. (In Eng.)
10. Kiseleva, N.N., Orlianskaia, A.A., Bavina, K.V., Borovikova, N.V. (2016). *Territorial'no-proizvodstvennye kompleksy kak forma prostranstvennoi organizatsii proizvodstva: evoliutsiia i perspektivy razvitiia* [Territorial production complexes as a form of spatial organization of production: evolution and development prospects]. *Regional'naia ekonomika i upravlenie* [Regional Economics and Management], 4(48), 1–12. (In Russ., abstract in Eng.)
11. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii "Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda"* [Order of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030 with a Forecast up to 2036"]. Retrieved from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583/?ysclid=m5y23glf af329081926> (accessed: 07.03.2026). (In Russ.)
12. Bollman, R., Biggs, B. (2000). *Rural and Small Town Canada: An Overview*. *Analysis Bulletin*, 1–61. (In Eng.)

13. Kharevskii, A.A. (2011). Arkticheskaia politika Kanady: transformatsiia podkhoda k upravleniiu severnymi territoriiami [Canada's Arctic policy: transformation of the approach to governance of northern territories]. *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2(6), 95–102. (In Russ., abstract in Eng.)
14. Statistics Canada: Government of Canada. Retrieved from: <https://www.statcan.gc.ca/en/start>. (In Eng.)
15. Alekseev, V.V. (2014). Osnovnye napravleniia gosudarstvennoi politiki Kanady po osvoeniiu severnykh territorii na rubezhe XX i XXI vekov [Main directions of Canada's state policy for the development of northern territories at the turn of the 20th and 21st centuries]. *Arktika XXI vek* [Arctic XXI Century], 1(2), 21–32. (In Russ., abstract in Eng.)
16. Canadian-U.S. Trade and Investment. Lawrence National Centre for Policy and Management. Retrieved from: <https://www.ivey.uwo.ca/media/5k4nnhpa/canada-us-trade-and-investment-infographic-1.pdf>. (In Eng.)
17. United States-Mexico-Canada Agreement: United States Trade Representative. Retrieved from: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement>. (In Eng.)
18. Federal Transfers to Provinces and Territories: Department of Finance Canada. Retrieved from: <https://www.canada.ca/en/department-finance/programs/federal-transfers.html>. (In Eng.)
19. Canada's Regional Development Agencies: Government of Canada. Retrieved from: <https://ised-isde.canada.ca/site/ised/en/canadas-regional-development-agencies>. (In Eng.)
20. Shkuropat, A.V. (2020). Vozmozhnosti ispol'zovaniia opyta Kanady dlia sovershenstvovaniia regional'noi politiki [Possibilities of using Canada's experience to improve regional policy]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2, 107–118. (In Russ., abstract in Eng.)
21. Lackenbauer, P.W. (2021). “Profound Change of Direction?” Canada's Northern Strategy and the Co-Development of a “New” Arctic and Northern Policy Framework. *The Arctic in World Politics*, 241–273. (In Eng.)

© Мурашов Р.Ю., 2026